

ТИЛЛИ КОУЛ

*Однажды ты встретишь того,
кто станет для тебя целой вселенной...*

18+

МИЛЫЙ
ДОМ

Freedom. Любовь до мурашек. Бестселлеры Тилли Коул

Тилли Коул
Милый дом

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Коул Т.

Милый дом / Т. Коул — «Эксмо», 2013 — (Freedom. Любовь до мурашек. Бестселлеры Тилли Коул)

ISBN 978-5-04-166815-0

Молли с детства привыкла терять близких. Все, кто любил ее, уходили навсегда. В учебе она нашла свое спасение, а философия стала главным увлечением. В университете Алабамы девушка начинает новую жизнь. Там ее ждут жаркое лето, ночные студенческие тусовки, новые друзья... И встреча с Ромео. Парнем, который не был ласковым, осторожным или внимательным. Он брал от жизни все, что хотел, не задумываясь. Но душа Молли, ее сердце и разум тянутся к нему. И кажется, она впервые готова впустить кого-то в свою жизнь. Веря в то, что именно он станет для нее счастьем, судьбой и... домом. Но когда счастье кажется таким близким, рискнет ли она пойти до конца? И справится ли с болью и новыми испытаниями, которые порой любовь приносит с собой?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-166815-0

© Коул Т., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Посвящается	6
Примечание автора	7
Пролог	8
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Тилли Коул Милый дом

Tillie Cole
SWEET HOME
SWEET HOME © 2013 by Tillie Cole

Серия «Freedom. Любовь до мурашек. Бестселлеры Тилли Коул»
Дизайн обложки В. Евдокимовой, О. Зиминной
Внутреннее оформление Ю. Щербакова

© Паранина Н., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

ТИЛЛИ КОУЛ

Посвящается

Моему мужу, с которым мы вместе с подросткового возраста, а он по-прежнему остается для меня Моим Милым Домом.

Нашей команде «Сиэтл Сихокс» за вдохновение.

И жителям Алабамы (особенно тем, кто поддерживает «Кримсон Тайд») за лучший в мире чертов акцент!

Давай, «Тайд»!

Примечание автора

Все братства и сестринства, а также их цели и способы посвящения были преувеличены и выдуманы, никоим образом не основываются на правде и не отражают реальные случаи.

Пролог

Изингтон, Дарем, Англия

Четырнадцать лет назад...

– Молли, иди ко мне, милая. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Бабушка сидела в гостиной нашего маленького дома на старом коричневом кресле, обхватив голову руками.

Я подошла ближе и обвела взглядом комнату. Папа еще не вернулся из паба. Он постоянно там бывал с тех пор, как страшная леди, которую иногда показывали по телевизору, его огорчила, закрыв шахты в год моего рождения. Это рассказала мне бабушка.

Бабушка подняла голову и грустно улыбнулась. У нее была самая добрая улыбка, которую я когда-либо видела; от одной только ее улыбки в комнате становилось светлее. Я очень любила свою бабушку.

Подойдя ближе, я заметила, что она держит в руках старую фотографию мамочки. Мама умерла, когда родилась я. Бабушка с папой обычно расстраиваются, если о ней спрашиваю, поэтому я больше не спрашиваю. Но я по-прежнему не забываю целовать перед сном ее фотографию, которая стоит возле кровати. Бабушка говорила, что мама наблюдает за мной с небес.

– Иди сюда, моя маленькая Молли-попс. Садись ко мне на колени, – пригласила она, поставив рамку на покрытый красным ковром пол и жестом поманила к себе.

Я бросила свой розовый рюкзак на пол, подошла к ней и запрыгнула на колени. От бабушки пахло мятой. От нее всегда пахло мятой. Я знала, что она тайком ходила покурить в переулок и теперь пыталась скрыть сигаретный запах. Меня забавляло, когда она каждое утро выбегала из дома с розовыми бигуди в седых волосах и в фиолетовом фартуке.

Я коснулась ладонью ее щеки. Бабушка выглядела расстроенной.

– Бабушка, что случилось?

Она взяла мою маленькую руку в свою, и я вздрогнула от того, какой холодной она была. Я стала растирать ее ладонь и поцеловала в щеку, чтобы она почувствовала себя лучше. Как-то бабушка сказала, что мои сладкие поцелуи способны хоть немного облегчить любую проблему в мире.

В комнате было так тихо, что единственным звуком было потрескивание дров в камине и громкое тиканье напольных часов.

Обычно бабушка включала музыку, музыку давних лет, и мы танцевали перед камином. Однако сегодня музыка не играла, отчего дом казался унылым и печальным.

Я посмотрела на стрелки часов: большая была на двенадцати, а маленькая – на четырех. Я изо всех сил старалась вспомнить, чему учила нас на уроке моя учительница, миссис Кларк. Я крепко зажмурила глаза, пытаясь собраться с мыслями. И ахнув, открыла их. Было четыре часа. Да! Было четыре часа. Папа скоро вернется.

Я попыталась соскользнуть с бабушкиных колен и побежать к двери, чтобы дождаться, когда папа войдет в ворота. Он всегда обнимал меня и кружил, прежде чем сказать, что я самая красивая девочка в мире, как и моя мама. Эта часть дня была моей любимой.

Мне не удалось встать, потому что бабушка схватила меня за руку.

– Бабушка, что ты делаешь? Папа скоро придет. Ему нужны его ежедневные обнимашки!

Бабушка глубоко вздохнула, и из ее глаз потекли слезы.

– Бабушка, почему ты плачешь? Пожалуйста, не грусти. Тебе нужен сладкий поцелуй? Тогда тебе станет лучше?

Бабушка прижала меня к груди. Ее очки чуть не слетели с носа, а материал ее фартука царапнул мою щеку. Я сморщилась, пытаясь остановить жжение. Она оттолкнула меня и упала на колени. Теперь ее грустные глаза поравнялись с моими.

– Молли, мне нужно сказать тебе кое-что, что тебя очень, очень опечалит. Ты понимаешь меня?

– Да, бабушка. Мне уже шесть. Я уже большая девочка. Я многое понимаю. Миссис Кларк сказала, что я самая умная девочка во всем классе, может быть, даже в школе.

Бабушка улыбнулась мне. Однако улыбка не коснулась ее глаз. Улыбка была неполной. Папа сказал, что только полные улыбки показывают, что ты действительно счастлив. Не стоит тратить полную улыбку на то, что не сделало тебя очень счастливым.

– Ты умная, милая, хотя я не знаю, в кого. Ты далеко пойдешь. Тебе суждено оставить эту скорбную жизнь и выбиться в люди. Именно этого твоя мама и твой п-папа... хотели бы. – Она шмыгнула носом и достала из кармана розовый носовой платок, на котором были вышиты красные розы. Две недели назад я сама выбрала эту ткань. Один платок мы сшили бабушке, а один – мне. Бабушка назвала это «парным комплектом».

Она приложила платок к покрасневшему носу и посмотрела в окно, прежде чем выражение ее лица изменилось и она снова обратила внимание на меня.

– А теперь, Молли, ты должна сделать глубокий вдох для храбрости, как я тебя учила.

Я кивнула и пять секунд вдыхала через нос, держась за живот, а потом пять секунд медленно выдыхала через рот.

– Хорошая девочка, – похвалила она, поглаживая мою щеку большим пальцем.

– Бабушка? А где папа? Он опаздывает. Он никогда не опаздывает.

Он всегда приходил домой, чтобы поздороваться со мной после школы. От него пахло противным пивом, но он всегда так пах. Иначе это был бы не папа.

– Молли, сегодня с папой кое-что случилось, – сказала бабушка дрожащим голосом.

– Ему плохо? Может, заварим чаю к его приходу? От чая всем становится легче, правда, бабушка? Ты всегда мне это говоришь, – затараторила я, начиная чувствовать странное, забавное трепетание в животе от того, как странно она на меня смотрела.

– Нет, милая. – Бабушка покачала головой, ее губы задрожали. – Чай сегодня не понадобится. Видишь ли, сегодня утром Господь решил забрать твоего папу на небеса, к ангелам.

Я запрокинула голову и посмотрела в потолок. Я знала, что Бог живет высоко над нами, на небе. Но так и не смогла его увидеть, как ни старалась.

– Зачем Господу забирать у нас папу? Разве мы плохие люди? Я была слишком непослушной? Поэтому Господь не захотел, чтобы у меня были мама или папа?

Бабушка прижала меня к себе и уткнулась носом в мои длинные каштановые волосы.

– Нет, Молли-попс, никогда, никогда так не думай! Господу просто было больно смотреть, как твой папа скучает по твоей маме. Он решил, что им пора снова быть вместе. Он знал, что ты смелая и сильная, поэтому сможешь жить без них обоих.

Я размышляла над этим, посасывая большой палец. Я всегда сосу большой палец, когда мне страшно или я нервничаю.

Бабушка убрала волосы с моего лица.

– Я хочу, чтобы ты знала, что никто на всей планете не любил друг друга так сильно, как твои мама и папа. Когда мама умерла, папа не знал, что делать. Он и тебя любил, но все же очень скучал по ней. Когда леди из телевизора...

– Маргарет Тэтчер? – перебила я. Мы узнали о ней в школе. В моем городе ее мало кто любил. Ее обзывали отвратительными словами. Она огорчила многих людей.

Бабушка улыбнулась.

– Да, Маргарет Тэтчер. Когда миссис Тэтчер закрыла шахты, у твоего папы не осталось работы, что расстроило его. Папа очень долго пытался заработать денег и купить нам дом получше, но он работал только в шахтах и не умел делать ничего другого. – Она крепко зажмурилась. – Сегодня папа умер, милая. Он отправился на небеса и больше к нам не вернется.

Мои губы задрожали, и я почувствовала, как слезы жгут глаза.

– Но я не хочу, чтобы он уходил! Можем ли мы попросить Господа вернуть его? Что мы будем делать без папочки? – В груди стало больно и мне было тяжело дышать. Я потянулась к бабушкиной руке. Мой голос охрип. – У нас больше никого нет, верно, бабушка? Ты – все, что у меня осталось. А что, если Господь и тебя заберет? Я не хочу остаться одна. Мне страшно, бабушка! – громкий крик вырвался из моего горла. – Я не хочу остаться одна!

– Молли... – прошептала бабушка, прижимая меня к себе. Мы упали на пол и зарыдали перед камином.

Мой папа ушел.

Мой папа был на небесах.

Он никогда, никогда не вернется.

Глава 1

Университет Алабамы, Таскалуса,

Соединенные Штаты Америки

Наши дни...

Я ужасно опаздывала!

Делая короткие, прерывистые вдохи, я бежала через необъятный кампус университета, стараясь изо всех сил не рухнуть лицом вниз.

Мои руки держали охапки учебных планов по философии, которые мне было велено распечатать больше часа назад – первое задание в качестве ассистента преподавателя.

Лекция должна была начаться с минуты на минуту, но моя бесконечная череда неудач привела к тому, что принтер в копировальной с жалким пронзительным звуком испустил клуб дыма и сломался, распечатав лишь половину экземпляров.

Копировальная располагалась в другой стороне колледжа, и вот таким образом я и пришла к моему нынешнему затруднительному положению: забегу через огромный двор в непредназначенных для спорта оранжевых кроксах по адскому пеклу сауны Таскалусы, или, как здесь говорят, типичному жаркому летнему дню.

Бросив взгляд на стеклянные двери, я увидела свое отражение.

Нехорошо. Совсем нехорошо.

Мои каштановые волосы напоминали кудри миниатюрного пуделя, пот на носу заставлял мои широкие классические очки в черной оправе прыгать по лицу, как камикадзе, а в коротком джинсовом комбинезоне и белой футболке я чувствовала себя словно в защитном костюме, в котором можно свариться.

Английское небо, вечно затянутое облаками, в данный момент показалось чем-то необычайно привлекательным.

Сегодня все шло наперекосяк: неисправный принтер стал лишь вторым из нарастающих несчастий, первым было издевательство моих сумасшедших подруг.

– Тога, тога, тога!.. – громко скандировала Лекси, поднимая вместе с Касс руки вверх на каждом слове, а потом улюлюкая. Они сидели у меня на кровати и смеялись над моим отчаянием из-за импровизированной тоги.

– Я выгляжу ужасно, – пожаловалась я, пытаюсь поправить простыню в надежде прикрыть обычно спрятанные интимные места.

– Ты выглядишь горячо! Твои сиськи нереальные, такие идеальные и упругие... – попыталась сделать комплимент Касс и вытянула руки, притворяясь, что сжимает мою грудь. – Отвечаю, Моллс, я не по девочкам, но ради тебя в этом наряде готова сделать исключение! Черт, у тебя восхитительная фигура, подружка!

– Касс! – строго отчитала я, закатывая глаза. – Тебе обязательно говорить такие вещи?

– Ах, да успокойся! Ты отлично выглядишь. Ты идешь сегодня вечером, назад дороги нет. Не заставляй меня тащить тебя туда... потому что я могу... если придется.

– Но...

– Никаких «но»! Мы обещали тебе веселую студенческую жизнь, а не повторение того унылого дерьма, что было в Англии. Опыт начинается сегодня вечером.

– Оксфорд был не так уж плох! И как проходит этот так называемый «опыт»? Сначала я должна вступить в чертово сестринство, а потом что? Коктейли с запрещенными веществами и уход из клуба с разбитым лицом?

– И такое можно устроить, но в основном опыт включает в себя большое количество парней, секс, орги, оргазмы... о, и эксперименты с точкой G. Ну, знаешь, ради этого на самом деле ты и поступила в колледж, – совершенно искренне объяснила Касс.

– Я приехала в колледж учиться, Касс, а не тискаться с пьяными ребятами из братства!

Она захохотала.

– Как бы то ни было, дорогая, ты перестанешь думать об учебе, как только твои лодыжки будут обвивать шею какого-нибудь жеребца, а он будет носить тебя, как ожерелье, щекоча твой пупок изнутри!

Зная, что Касс отмахнется от любого моего ответа, даже если я найду что на такое сказать, я подошла к своему коричневому креслу с откидывающейся спинкой и опустилась на мягкое сиденье, закрыв лицо руками.

– Какого черта я во все это ввязалась?

– Ты просто решила не упустить момент, – глубокомысленно заметила Лекси.

Подняв голову, я посмотрела сквозь пальцы на двух моих самодовольных подруг, которые с весельем за мной наблюдали.

– Ты в любом случае заставишь меня идти на эту дурацкую вечеринку, я права?

Лекси слезла с кровати и запрыгнула мне на колени, обхватив худыми руками за шею.

– Разумеется, дорогая. Теперь ты одна из нас!

Я неохотно улыбнулась.

– Похоже на то.

Касс присоединилась к нам на кресле, придавив меня, пока я не завизжала под их общим весом.

– Снимай тогу, я ее подошью, и топай на лекции. Когда вернешься, мы сможем начать веселье...

Говорят, несчастья приходят по трое.

Два уже случилось.

Осталось одно.

Я продолжала свой стремительный забег: пронеслась через двойные двери корпуса гуманитарных наук в сторону лекционных залов, а затем направилась напрямик в аудиторию профессора Росс. Мой разум неустанно поддразнивал меня видениями парада пританцовывающих тог.

Слишком поглощенная своими переживаниями, я не заметила небольшую группу студентов, которая появилась из-за угла. Но, увы, все вскоре изменилось, когда суперухоженная рыжеволосая девица врезалась в меня, и похоже, нарочно. Бумаги выпали из моих рук и рассыпались по белому кафельному полу.

– Упс! Смотри, куда прешь, милочка, – злобно промурлыкала она. – Может, тебе нужны очки по сильнее?

А вот и третья неудача.

Я опустила на колени и не поднимала глаз, даже когда услышала хриплые насмешки, судя по всему, в мой адрес. Мне казалось, будто я вернулась в старшую школу, где популярные ребята задирали ботаника.

Я никогда не повышала голоса. Всегда спокойно реагировала на грубые насмешки людей по поводу моей дешевой одежды, отсутствия денег или любое другое высказывание в мою сторону, поэтому и сейчас что-то проворчала себе под нос и принялась складывать бумаги в неаккуратную кучу.

Дверь лекционного зала со щелчком захлопнулась.

Довольная тем, что наконец-то осталась одна, я выпалила: «Тупые уроды» чуть громче, чем намеревалась, потому съежилась, когда звук эхом разнесся по широкому, похожему на пещеру коридору.

Я нечасто ругалась, но сейчас чувствовала это оправданным. Мне даже немного полегчало. Ведь не зря порой даже в научном мире иногда достаточно использовать всего одно грубое слово.

Я схватила бумаги, покачала головой и стала подниматься. В этот момент с моего лица с грохотом упали на пол чертовы очки.

Я сокрушенно вздохнула, решив, что мне действительно не стоило вставать сегодня с постели.

Позади меня раздался раскатистый смех, заставивший меня подпрыгнуть. Теплая рука схватила меня за плечо и крутанула вокруг, чтобы нацепить очки обратно на мое лицо.

Я прищурилась несколько раз, и мое зрение восстановилось. Тогда мой взгляд уперся в широкую грудь, прикрытую темно-красной майкой с белой надписью: «*Футбольная команда «Кримсон Тайд»*».

– Теперь видишь?

Я подняла глаза на звук глубокого голоса с южным акцентом и увидела перед собой загорелого парня, истинного представителя Алабамы: темно-светлые волосы до подбородка, темно-карие глаза, обрамленные длинными чернильно-черными ресницами, и высокий рост – метр девяносто против моих метр шестидесяти пяти.

Я невольно втянула в себя воздух.

Он был великолепен.

Чертовски великолепен.

Я стяхнула с себя оцепенение, выхватила бумаги из рук парня и попыталась его обойти, чтобы поскорее восстановить некое подобие самообладания и вернуть себе достоинство (раз уж за последние пару часов я лишилась его в значительной степени).

Схватив меня за запястье, когда я проходила мимо, мистер «Кримсон Тайд» спросил:

– Эй, ты в порядке?

Я попыталась расслабиться и не грубить – он как-никак помог мне, – но мои нервы изрядно расшатались, а прикосновение грубой мозолистой ладони парня к моей коже только ухудшало ситуацию.

Я решила списать эту странную реакцию на обезвоживание из-за жары или на острый случай тогафобии.

– В порядке, – опустив плечи, ответила я.

– Уверена?

Я сделала глубокий вдох и встретила взглядом с его прекрасными шоколадными глазами. На радужке у него были иссиня-черные крапинки.

– У тебя когда-нибудь бывали такие дни, когда все превращается в сплошной ночной кошмар? – Три последних слова я подчеркнула интонацией.

Он громко фыркнул, и его лицо приняло забавное выражение: полные губы надулись в кривой ухмылке, а незначительно смещенный от центра нос сморщился при движении.

– Вообще-то сейчас один из них.

– Значит, нас таких двое. – Я не смогла сдержать ответной улыбки. Крепче сжимая стопку бумаг, я добавила: – Спасибо, что остановился и помог мне. Это было очень мило с твоей стороны.

Он скрестил свои огромные загорелые руки на мощной груди, чем усилил мое смущение.

– Мило? Не такое обычно обо мне говорят, – бросил он и направился прочь, оставив меня одну в широком коридоре.

Я уже было повернулась к аудитории, как парень оглянулся через плечо и резко объявил:

– Я Роум.

– Молли, – быстро представилась я.

Роум скользнул по нижней губе зубами, пристально рассматривая меня с головы до ног, и медленно кивнул. Затем, не проронив больше ни слова, удалился в кабинет философии.

Потратив некоторое время на то, чтобы собраться с мыслями, я зашла в аудиторию, где несколько десятков пар глаз автоматически на меня уставились. Из-за своего нелепого опоздания я чувствовала себя точно Бриджит Джонс.

Профессор Росс сурово на меня посмотрела, и я скривилась. Добравшись до ее стола, я положила распечатанные учебные планы и от смущения сжала пальцы. Она жестом предложила мне встать рядом с ней за кафедрой. Сделав как мне было велено, я подняла голову, встретившись взглядом со студентами. Что ж, только что новенькая, да еще и англичанка, выставила себя полной идиоткой.

Профессор показала на меня и заговорила с шикарным, достойным королевы английским акцентом, выглядя при этом как пожилая директриса школы-интерната в своем коричневом твидовом костюме-двойке, с седыми волосами, собранными в тугий пучок, и очками-половинками.

– Я хотела бы познакомить вас всех с Молли. Она, как и я, из Англии. Молли согласилась получить степень магистра в этом прекрасном университете и выступить в роли научного сотрудника, помогая мне в работе над публикациями моих исследований в журнале. Также Молли будет выполнять обязанности моего ассистента на этом курсе. Я знакома с Молли уже несколько лет и не смогла бы найти никого лучше, чтобы взять с собой в Штаты. Вы скоро обнаружите, что она совершенно исключительная молодая леди.

Профессор отошла в сторону, взмахом руки приглашая меня обратиться к аудитории.

– Молли, почему бы тебе не сказать несколько слов своим новым одноклассникам?

Глубоко вдохнув, я подошла к кафедре и робко подняла глаза.

– Всем привет. Как сказала профессор Росс, я приехала в Алабаму из Англии, чтобы получить степень магистра философии, начать писать докторскую диссертацию и в конечном счете стать профессором. – Я обвела беглым взглядом ряды. В малой аудитории находилось

около тридцати человек. – Я влюблена в религиозную философию с тех пор, как себя помню, поэтому счастлива быть здесь и помогать профессору Росс на лекциях и семинарах, стараясь сделать удивительный мир философии еще немного интереснее! Я буду рада ответить на любые вопросы во...

– У меня есть один.

Я отыскала взглядом того, кто задал вопрос, и увидела рыжеволосую девицу из коридора... Она сидела рядом с Роумом.

– Какого черта ты хочешь стать профессором философии? Не на что больше жизнь потратить?

Я уже привыкла к такой реакции.

– А почему бы и не философия? Все в жизни, на Земле может быть подвергнуто сомнению: почему, как именно и как такое возможно? Меня вдохновляет тайна жизни и вселенной, восхищает необъятность вопросов, на которые нет ответов. Я люблю погружаться в труды ученых, как древности, так и современности.

Она приснула.

– Сколько тебе лет, а?

– Э-э... двадцать. – Я нервно оглядела аудиторию и увидела, что за мной наблюдает множество удивленных пар глаз.

– Двадцать! И ты уже получаешь степень магистра?

– Эм, ну да. Я сдала школьные экзамены досрочно, поэтому раньше поступила в университет.

– Боже, детка, пора бы тебе перестать быть такой занудой и хоть немного повеселиться. Свет клином не сошелся на учебе. Расслабься, черт возьми! – Девица с недоумением покачала головой, и ее длинные волосы идеально закачались в такт движению. – Клянусь, мне никогда не понять девушек вроде тебя.

Несколько студентов тревожно заерзали на своих местах от таких откровенных выпадов. Рыженькая, казалось, была довольна собой. Я уверена, что она посчитала вторую попытку унижить меня успешной.

– Девушек вроде меня? – повторила я, но в моем голосе слышалась лишь легкая нотка дерзости.

Дорогие жемчужно-белые виниры ослепили меня, когда она стервозно улыбнулась.

– Книжных червей, заучек... подражательниц профессорам!

В ответ на ее тон я лишь сузила глаза и вцепилась в деревянную кафедру, пытаюсь сохранить профессионализм, но потом быстро передумала. Я собиралась дать отпор. День выдался отстойный, вечер обещал быть и того хуже, поэтому я решила в полной мере насладиться этим адским днем.

– Я считаю, что власть человеку дают наука и знания, а не деньги, статус или наличие дизайнерских вещей, – холодно парировала я.

– Серьезно? Ты действительно в это веришь?

– Разумеется. Открывая свой разум для неизвестных возможностей и изучения того, как устроены другие культуры, люди получают более целостное понимание человеческой природы. Философия предлагает ответы на множество вопросов. Например, почему некоторые люди, лишенные сострадания, легко идут по жизни? В то время как другие – добрые, участливые и честные – получают удар за ударом, но все же находят в себе силы двигаться вперед? Тебе не кажется, что если бы больше людей сознательно относились к бедам человечества, то, возможно, мир стал бы лучше?

Девушка нервно встряхнула волосами, сжала рубиново-красные губы и раздраженно на меня уставилась, проигнорировав мой вопрос.

– Вот почему каждый вечер я отдаю учебе, а не вечеринкам. Мир заслуживает людей, которые думают прежде всего о других. Тех, кто подавляет свой эгоизм и не озабочен поверхностными вещами. – Я взглянула на нее и заявила фальшиво-дружелюбным голосом: – Надеюсь, теперь у тебя появилось некое представление о том, почему я хочу стать профессором. Такая уж я есть и очень горжусь этим.

– Черт! Тебя размазали, Шелли! Проучили! – воскликнул грубый мужской голос, заставив класс разорвать тяжелую тишину смехом.

Я вскинула голову и поняла, что реплика принадлежала Роуму, который сидел, задрал ноги, и посмеивался. Когда остальная часть студентов к нему присоединилась, я почувствовала глубокое удовлетворение.

Челюсть Шелли отвисла, и она резко закончила разговор пренебрежительным:

– Да без разницы! Удачи тебе влиться с таким отношением.

Профессор Росс хлопнула меня по плечу и прошептала на ухо, чтобы я раздавала учебные планы до окончания лекции. Я с уверенностью могла сказать, что мое поведение ее возмутило.

Я быстро схватила бумаги с дубового стола и начала раздавать их по рядам, пока профессор объясняла, как она будет оценивать работы, а также правила, установленные на ее занятиях.

Когда я добралась до последнего ряда, заметила, как Роум наблюдает за мной с необъяснимым блеском в глазах. Он кивнул в знак приветствия, плотно сжав губы. Я кротко улыбнулась.

Не сводя с меня глаз, Шелли придвинулась ближе к нему. Судя по положению ее тела – колени прижимались к его ногам, а полная грудь касалась его руки, – их с Роумом связывали более чем дружеские отношения.

– Классная обувь, Молли, – проворковала Шелли, когда я протянула ей последний экземпляр. – У всех будущих профессоров философии такой фантастический вкус?

Студенты захихикали.

Я окинула взглядом свои дешевые кроксы, затем посмотрела на ее модные золотые – без сомнения, дорогие – сандалии-гладиаторы и уныло вздохнула.

– Завязывай уже, Шелл, – выпалил Роум, резко оттолкнув ее ноги от своего бедра. – Почему ты все время ведешь себя как тупая стерва?

Его замечание довольно эффектно заставило замолчать остальную часть аудитории. Съежившись на своих местах, они отвернулись от неловкой ситуации, в которую я попала, чтобы самим избежать нежелательного внимания Роума.

Шелли сложила руки на груди и надулась.

Роум проигнорировал ее жалкое поведение и снова поднял на меня глаза, дернув подбородком.

– Ты действительно веришь в то, что только что сказала?

– В какую именно часть?

Он неловко заерзал на стуле, его пальцы прошли по растрепанным светлым волосам.

– Насчет того, почему жизнь несправедлива. Что философия дает ответ на вопрос, почему одним людям достается дерьмо, а другим – нет.

– Горячо верю, – ответила я с непоколебимой уверенностью.

Он медленно кивнул, выпячивая нижнюю губу. Казалось, мой ответ его впечатлил.

Я развернулась и поспешила занять свое место ассистента преподавателя в дальнем конце помещения. До самого окончания лекции я не поднимала головы.

– Молли.

Я подняла глаза и увидела, как профессор стоит передо мной, и на ее морщинистом лице читалось осуждение.

– Не желаешь объяснить мне, что произошло? Это было совсем на тебя не похоже.

– Сюзи...

- Э-эм... в университете профессор Росс, Молли. Что на тебя нашло?
- Простите, – скривившись, сказала я. – У меня голова сегодня кругом.
- Ты не ответила на мой вопрос.

В ее суровом взгляде я заметила не только разочарование моим непрофессионализмом, но и проблеск беспокойства.

Я вздохнула.

- Просто неудачный день. Подобное больше не повторится.

Расслабившись, Сьюзи не стала меня судить за мое поведение.

– Не позволяй людям, как та юная леди, влиять на тебя. Никогда не оправдывайся за то, кто ты есть.

На моем лице появилась улыбка.

– Благодарю вас, профессор. Урок усвоен. Она просто... Даже не знаю... почему-то задела меня.

– Я заметила. Но в следующий раз не дай ей пробраться тебе под кожу. Просто не обращай внимания.

Я кивнула в знак согласия.

- А теперь почему бы тебе не вернуться домой?

– Спасибо, профессор. – Я схватила свою коричневую кожаную сумку, висящую на спинке стула, и вышла из класса.

Роум стоял в коридоре с тощей блондинкой, которая повисла у него на шее и прижималась грудью к его красной футболке. Парень пытался оттолкнуть ее с раздраженным выражением лица.

Я застыла на месте, чувствуя себя крайне неловко.

– Но... но... почему бы и нет? Ты никогда мне не отказываешь! – заскулила блондинка, неохотно отпуская шею Роума. Скрестив руки на груди, она протестующе топнула кремовой босоножкой на танкетке.

- Все меняется, – жестко заявил парень, отталкивая от себя девушку.

- Меняется? Ты? С каких это пор?

- С, черт побери, таких! Твои услуги больше не требуются.

Возмущенно ахнув, блондинка ушла. Роум провел ладонью по лицу и удрученно прижался лбом к стене. Он был явно на взводе.

Воспользовавшись тем, что он повернулся ко мне спиной и опустил голову, я тихонько проскользнула мимо. Свободно я выдохнула, только убедившись, что осталась незамеченной.

Выходя из дверей в яркий летний день, я не могла не чувствовать себя немного разочарованной тем, что Роум, очевидно, был одним из тех парней... игрок... сердцеед... типичный плохой мальчик.

Хотя с такой-то внешностью в этом не было ничего удивительного.

Глава 2

– Напомни мне еще раз, какого черта я щеголяю с практически голыми сиськами и задницей, обмотавшись простыней? – спросила я чуть громче, чем это было необходимо, пока мы шли с подругами на вселяющую страх ночь посвящения в выбранном нами женском обществе.

Лекси остановилась и развернула меня к себе лицом.

– Потому что это самый простой путь стать чирлидершей, и я наконец ей стану! Я убила на это три года. Главная стерва-чирлидерша заправляет всем этим сестринством, поэтому я намерена подружиться с ней и использовать в своих интересах. Это моя последняя попытка, так что хватит болтать и давай всем покажем!

– Я уже говорила это однажды, но повторю снова. Мы слишком стары для подобных глупостей! Мы взрослые, старшекурсницы... так какого черта они хотят, чтобы мы присоединились к их сообществу?

– Потому что, – с раздражением «объяснила» она. – Они выделили квоты для учащихся старших курсов и студентов по обмену – а это мы! – Хмурое выражение застыло на ее лице.

Ростом метр с кепкой, Лекси обладала стройной фигурой, коротко стриженными черными волосами и бледным лицом. Глаза и губы она красила черным. Ее внешний вид был абсолютно противоположен тому, как должна выглядеть типичная чирлидерша, но ее безумной мечтой было оказаться наверху пирамиды на футбольном матче.

Меня, ее соседку по комнате, прихватили в качестве группы поддержки. Точнее, меня и Касс, ста тридцати килограммовую блондинку из Техаса, которая тащилась позади, прикидывая, каких парней она хотела бы поймать сегодня вечером. Как обычно, на Касс была белая ковбойская шляпа, черные кожаные ковбойские сапоги и, разумеется, обязательная для вступления в сестринство облегающая тога, которая смахивала на наволочку, в которую Касс еле втиснули.

Глядя со стороны на нашу троицу, я не могла не подумать, что мы будем странно выглядеть рядом с великолепными южными красавицами спортивного телосложения, что ожидали нас по ту сторону высокой белой двери.

В первую неделю моего пребывания здесь (неделю набора новичков) нас загнала в угол – в смысле внесла в список – слишком активная брюнетка. И вот спустя неделю нас пригласили для официального посвящения.

Лекси восприняла это как послание свыше от своего любящего чирлидинг всемогущего Бога.

Я же видела в этом лишь жестокое и причудливое наказание.

– В чем дело, сучки? – спросила Касс, встав перед нами. – Мы идем на эту джигу или как? Хочу быстрее взглянуть, имеется ли здесь первоклассная говядинка. Мамочкино тако нужно как следует начинить. – И дабы показать наглядно, она похлопала себя по промежности.

Когда я прилетела месяц назад, меня сразу поселили в общежитие кампуса в единственную свободную комнату, в которой и проживали эти две девушки. Я в них сразу влюбилась за их доброту, гордость за свою индивидуальность и отсутствие напыщенности. Они взяли меня под свои южные крылышки, и мы сдружились. Однако при знакомстве с этими великолепными леди я не понимала, что, приняв девиз «Один за всех, и все за одного», я окажусь в хлопковой тряпке из «Уоллмарта», дабы помочь моей подруге – королеве эмо-конкурса – осуществить мечту о чирлидерских помпонах.

Я прошла большой путь от жизни в одиночестве, восемнадцатичасовых занятий в библиотеке и пафосных ужинов в Оксфорде, сервированных серебряными приборами, к прогулкам в простыне, которая должна была напоминать о Древнем Риме.

Но не напоминала.

Даже близко.

Касс вытащила фляжку с самодельным виски откуда-то из своей обтягивающей тоги и сделала большой глоток.

– Ууу! Почувствуйте этот огонь, дорогуши, – пропела она, откидываясь назад и хлопнув себя по полному бедру. Затем провела языком по зубам, слизывая последние капли, и передала фляжку Лекси. Та отпила из емкости и, размахивая руками, с визгом заплясала на месте. Далее фляжка перекочевала ко мне.

Сделав маленький осторожный глоток, я сразу почувствовала, как мои глаза того и гляди вывалятся из орбит.

– О боже, Касс! Как ты можешь это пить? – Я выплюнула и принялась растирать горло руками, пытаюсь унять жжение.

Касс превратила свою часть ванной комнаты в заводик по производству самогона. Надо же было любить такую дрянь!

– Ты что, издеваешься? Это же как мамино молоко, и я люблю этот каааайф... – протянула она, изобразив, что по ее коже прокатился электрический заряд, затем достала из потайной сумочки жевательный табак и засунула его под нижнюю губу.

На эту ее выходку мне только и оставалось как закатить глаза и вернуть фляжку. Взявшись за руки, мы направились в эту обитель зла.

Вестибюль Дельта Эпсилон Нью Омега... Бета... Пи... Каппа... – да какая вообще разница? – выглядел солидно. Большая дубовая лестница выделялась в этом внушительном особняке из красного кирпича, а люстры, свисавшие с потолка, отлично смотрелись бы и в Версальском дворце.

Девушки из общины сразу нас встретили и как скот погнали в просторную гостиную. Первокурсницы разгаделись от возбуждения, услышав, что нас ожидает знакомство с неуловимым президентом. Поразительно, как подобную истерию мог вызывать одинединственный человек.

Участницы сестринства велели нам умолкнуть, и под драматическую барабанную дробь, любезно исполненную руками по столу, президент пронеслась через двойные двери с пущей театральностью, создавая атмосферу вечера.

Я мгновенно напряглась. Это была Шелли, расфуфыренная по полной программе и щеголявшая в очень узком коротком желтом платье.

– Добро пожаловать, новенькие. Сегодня вечером мы собрались здесь на заключительное посвящение в члены нашего уважаемого и первоклассного сестринства. Все в этом зале станут полноценной частью нашего общества и семьи не только на время учебы в университете, но и на всю оставшуюся жизнь. – Она начала расхаживать перед толпой. – Этот вечер мы посвятим веселью. Но перед началом вечеринки мы решили провести небольшое испытание... где вы докажете, что действительно хотите примкнуть к нашим рядам.

От вида ее самодовольной улыбки у меня возникло нехорошее предчувствие.

– Задание действительно быстрое и легкое, – заверила она, остановившись возле стола, покрытого черной тканью. Хихикнув, президент откинула ее, открывая сюрприз – огромное множество повязок для глаз.

Шелли прошла мимо нас, оценивая своих жертв. Зацепившись за меня взглядом, она несколько напряглась.

– Ну и ну, Молли! Что такое? Мне показалось, что ты не приветствуешь такого рода веселье? Так ведь? Или, может, ты думаешь, что вступление в сестринство поможет тебе лучше понять человеческую натуру, а?

Я закрыла глаза и сделала медленный вдох через нос, игнорируя вопросительные взгляды Касс и Лекси.

Мне очень не нравилась эта девица.

С самодовольной улыбкой и звонким смехом Шелли продолжила:

– Выполнить сегодняшнее задание помогут наши друзья из братства. С закрытыми глазам вам предстоит поцеловать – с языком – своего собрата-грека и угадать, что он до этого съел. Всего ничего, чтобы показать свою приверженность. А мы все отлично посмеемся. – Она взмахнула волосами, достойными рекламы шампуня, и остальные участницы захихикали в ответ.

Мерзавки.

Не нравилось мне все это.

Я вцепилась в руку Лекси и наклонилась ближе.

– Разве не ты говорила, что дедовщину запретили после какого-то недавнего скандала или чего-то такого? Только взгляни на эти повязки. Мы окажемся в унижительном положении... и это означает чертово издевательство над новичками! Я не могу этого сделать, Лекси. Я умываю руки.

– Пожалуйста, Моллс. Ради меня? – Лекси вооружилась своим фирменным щенячим взглядом. – Ничего ужасного нет в этом издевательстве над новичками; бог ты мой, это просто поцелуй с парнем!

Я опустила глаза и застонала. С ней было бесполезно спорить. Она снова пустит слезу, и я почувствую себя виноватой.

– Будешь мне должна!

– Подойдите к столу и возьмите повязку. Мы поставим вас в очередь и позовем парней, – пропела Шелли, искренне наслаждаясь происходящим.

Когда мы все завязали глаза, я услышала, как дверь со щелчком открылась и несколько пар ног вошли в комнату. Кто-то прошел за моей спиной, и меня чуть не стошнило от отвратительной вони – смеси алкоголя и сильного гнилостного запаха немывтого тела.

Омерзительно.

– Когда я похлопаю вас по плечу, начинайте целоваться! Как только правильно угадаете вкус, будете приняты... все просто, – радостно сообщила Шелли.

Я могла сказать, что стояла в конце очереди, потому что, взмахнув рукой перед собой, скользнула по пустоте.

Мне выпала участь проходить испытание последней.

Характерные чавкающие звуки и возгласы, возвещающие о догадках девушек, наполнили комнату, а со всех сторон ехидно смеялись сестры.

От страха мой пульс участился, а руки затряслись, выдавая нарастающую панику.

Время, казалось, остановилось, когда подошла моя очередь. От парня из братства пахло... плохо. Но ради Лекси я это сделаю.

Легкое похлопывание оповестило, что пора начинать. Я собралась с духом и наклонилась вперед, но мое лицо обдало потоком воздуха. Сбоку раздался грохот, а потом мужской смех.

– Шевелись, Макмиллан. Мне кажется, ты занял мое место, – встрял голос.

– Н-нет... П-п-пуля! Шелли сказала... она сказала... – с заиканием пробормотал что-то с пола (звук доносился снизу) Макмиллан.

– Мне плевать, что она сказала. Иди и выпей, мать твою, или вырубись, или еще что-нибудь. Ты меня понял? – Угроза в голосе парня по прозвищу «Пуля» была слишком явной.

– Я-я понял тебя. Я понял тебя, чувак.

Я не понимала, что происходит и кому понадобилось драться за поцелуй со мной. День с каждой секундой становился все более странным.

– Подожди! Мак должен... – закричала Шелли.

– Закрой свой рот, Шел. – Тон парня не оставлял места для споров, поэтому Шелли притихла.

Я же занималась тем, что грызла ноготь большого пальца (моя вредная привычка в стрессовых ситуациях), когда новичок из братства встал рядом со мной. Он пах лучше предыдущего: летом, мылом и мятой. Чем-то знакомым. Приятным. Соблазнительным.

Большая мозолистая рука вытащила мой палец изо рта и опустила мою ладонь на твердую талию. Мои пальцы поползли по хлопчатобумажной ткани, покрывающей его торс, изучая выступы твердых мышц и очерченного пресса. С закрытыми глазами определенно обостряются остальные органы чувств: ты улавливаешь нюансы запахов, ощущаешь и слышишь гораздо лучше.

Руки парня обхватили мое лицо, и он принялся неожиданно нежно целовать меня в губы.

Но затем без всякого предупреждения, издав голодный стон, мой хватчик отбросил нежность и вторгся в мой рот своим языком, сражаясь против моего в битве за контроль. В которой я с радостью сдалась. Другого выхода не было.

Еще никогда я не испытывала чего-то подобного.

С каждой секундой поцелуй становился все более неистовым, все более интенсивным, и я отчетливо ощущала прохладную мяту – вкус или аромат, который я должна была определить, был мятным. Она была в его рту, в каждом уголке и на поверхности его полных губ.

Мне все же удалось вырваться из дурмана страсти и вспомнить, где нахожусь – в комнате, полной людей, – и, прежде чем полностью отдаться прикосновениям парня, я взяла свои мысли под контроль и с неохотой начала разрывать поцелуй.

Спрятав язык, я схватила запястья парня. Его руки оставались неподвижными по обе стороны моего лица. Отпрянув от его губ, я все же мазнула по ним языком, желая напоследок насладиться его вкусом, чем заработала удовлетворенное мычание.

Пока я пыталась отдышаться, я поняла, что в комнате впервые воцарилась абсолютная тишина.

Руки хватчика продолжали сжимать мои щеки в твердых, властных тисках, а его горячее, сладкое дыхание ласкало мое лицо.

Я прочистила горло и тихо объявила:

– Это мята. В его рту вкус...

Мне не удалось договорить, потому что губы парня из братства смяли мои с гораздо большим энтузиазмом, чем ранее, а его язык немедленно ворвался в мой рот.

Парень так сильно прижался ко мне лицом, что было больно. Его мягкие волосы, от которых веяло лесом и деревом, щекотали мне нос. Он стонал с каждым движением своего языка, углубляя поцелуй. Казалось, что он поглощал лучший в мире десерт. Мне ничего не оставалось, кроме как ответить взаимностью.

Я подняла руки, и мои пальцы запутались в его волосах – длинных, мягких. Я потянула за них, а в ответ получила неистовое рычание. Мы сражались друг с другом, чтобы стать еще ближе.

Я понятия не имела, как долго мы целовались, но казалось, что чем дольше это будет продолжаться, тем усерднее мое сердце будет стремиться выпрыгнуть из груди.

Парень властвовал надо мной, я повиновалась, но мы оба наслаждались в объятиях друг друга.

Как только его рука скользнула вниз к моей шее, кто-то дернул меня за плечо, и хватчик ослабил хватку.

– Довольно! Какого черта, Роум? Отойди от нее, сейчас же! – взвизгнула Шелли, чей голос удивительно напоминал скрежет ногтей по классной доске.

С моих глаз сорвали повязку, и, когда покров тьмы опустился, передо мной оказался Роум. Настолько близко, что кончики наших носов практически соприкасались. На нем была та же одежда, что и прежде.

Не обращая внимания на Шелли, которая рядом с нами продолжала истерику, он смотрел на меня с выражением явного желания.

– Привет, Мол, – прохрипел он, бросив взгляд на мои опухшие губы.

– И тебе привет... – прошептала я в ответ, не найдя других слов в своем измученном разуме.

Роум снова наклонился, и мой рот инстинктивно потянулся к его губам. Нас словно магнитом тянуло друг к другу. В этот момент Шелли схватила Роума за руку и отдернула назад. Несмотря на это, он не прервал нашего зрительного контакта.

– Эй! – резко крикнула она и с силой ударила его по щеке. Это привлекло внимание парня, но шокировало народ в гостиной.

Убрав ладонь с моего лица, Роум мягко, но твердо схватил президента сестринства за запястье и прошептал сквозь стиснутые зубы с пугающей ухмылкой:

– Не смей трогать меня, мать твою. Когда-либо. Снова.

Глаза Шелли расширились от его резкого, угрожающего тона, в то время как остальная часть компании уставилась на меня как на жертву неудачного научного эксперимента.

– Мята, – выпалила я, и Шелли повернулась ко мне лицом. – От Роума пахло мятой. Для этого нелепого обряда посвящения ты ведь хотела знать это, верно? – Даже по моим меркам слова прозвучали холодно. Я подняла глаза на Шелли, пытаюсь рассеять в комнате напряженную атмосферу.

Жесткий, злой взгляд Роума сфокусировался на мне, отчего у меня на мгновение перехватило дыхание. Еще никогда со мной не случалось ничего подобного, так что я начала здорово паниковать от такого непривычного влечения.

Роум поджал губы, а его ноздри раздулись, словно он уловил мое желание.

– Она права. Я только что жевал жвачку.

Вырвав руку из крепкой хватки Шелли, Роум оттолкнул ее, быстро развернулся и покинул гостиную, громко хлопнув дверью.

Через несколько напряженных секунд остальные братья последовали его примеру, оставив меня с удивленными новенькими и сестрами, которые изучали меня. Некоторые, явно впечатленные случившимся, ухмылялись, другие удивленно переговаривались.

Лекси и Касс бросились ко мне, несмотря на их широкие улыбки, они явно были взволнованны.

– Молли, ты знаешь, кто это был? – взяв меня за руку, пропищала Лекси.

– Знаю, это был Роум. Мы познакомились сегодня на лекции по этике и философии.

Касс фыркнула.

– Черт возьми, да, это был Роум, но он больше чем просто студент, Моллс.

– Неужели? – растерянно хмыкнула я.

Лекси наклонилась ко мне.

– Молли, он выпускник и, к твоему сведению, совершенно недосыгаем. Необщительный, весь такой мрачный и угрюмый, но что более важно, он чертов квотербек «Тайд»!

– Немного официальных статистических данных: метр девяносто и сто шесть килограмм твердых мускулов! – восхищенно добавила Касс.

– Он кто? Что?

Касс отшатнулась и прижала руки к своей полной груди, как будто я только что прокляла папу римского.

– Он звездный квотербек «Кримсон Тайд».

– О, я заметила надпись на его футболке. Это американская футбольная команда, верно?

– Верно? ВЕРНО? Разве в Англии нет футбола?

– Да, но у нас в него играют круглым мячом. Вы называете его соккером. Еще есть регби, крикет, теннис. В американский футбол у нас не играют, по крайней мере профессионально.

– Милый младенец Иисус... Не могу представить жизни без футбола. Никаких тебе тусовок, барбекю или ларьков с хот-догами. Это просто невыносимо.

– Я выросла с бабушкой в маленьком шахтерском городке на севере Англии. Ей нравилось вязать шарфы и играть в шахматы. Затем я поступила в Оксфорд, где училась двадцать четыре на семь, чтобы получить степень бакалавра. Прошу меня простить, если футбол не играл огромной роли в моей жизни! – Я попыталась пошутить, но почувствовала, как во мне поднимается знакомое беспокойство при одном упоминании о моей прежней жизни. Я подавила его, прежде чем меня успело накрыть.

Лекси пренебрежительно отмахнулась.

– Что ж, введу тебя в курс дела. Ромео Принс – начинающий квотербек «Тайд», футбольной команды нашего университета... И он определенно попадет в НФЛ в конце года. Поговаривают, ему делали предложение уже дважды, но по какой-то причине он решил остаться и получить образование, прежде чем стать звездным игроком. Ты, Молли Шекспир, только что целовалась на публике с самым желанным парнем кампуса. Парнем, который никогда ни с кем не завязывает отношений. Парнем, которого боятся другие ребята, а девушки ради которого с удовольствием пожертвуют легкое.

– Ага, везучая сучка! – добавила Касс, легонько ударив меня по руке.

Мое лицо, которое не выражало каких-либо эмоций, должно быть, намекнуло, что я по-прежнему не понимаю истинных последствий того, что только что произошло.

Касс театрально закатила глаза.

– Позволь объяснить тебе иначе, чтобы ты поняла. Ты – Кейт Миддлтон, и ты только что поцеловала принца Уильяма Алабамского университета и, возможно, всего американского студенческого футбола.

До меня наконец дошло.

– Значит, Роум здесь – большая шишка?

Их ухмылки дали понять, что это еще мягко сказано.

– Ромео Принс. Он довольно вспыльчивый, да? – тихо произнесла я, вспоминая его неповторимый, вызывающий привыкание вкус, собственнические руки на моем лице и глубокий стон удовлетворения.

– Чертовски вспыльчивый! Видела бы ты его на футбольном поле... Господи, это что-то с чем-то! У него сносит крышу, и он вышибает дурь из всех, кто стоит на его пути. Девчонки вроде как заводят все эти перепады настроения, и вообще он ходячий секс... быстрый, великолепный, загорелый. Черт, я чуть не кончила, просто думая о нем! – Я поморщилась от скабрезностей Касс. Она же покачала головой. – И он не мог насытиться тобой, девочка! Да он был готов сорвать с тебя одежду прямо здесь! И чуть не снес голову Маку, когда тот собрался с тобой целоваться. А когда он толкнул его на пол, у него было такое убийственное выражение... У меня мурашки побежали по коже! – Наглядности ради она провела руками по телу.

Я насупила брови, как только до меня дошел смысл ее слов.

– Ромео Принс, – задумчиво пробормотала я. Он целовал меня с таким безрассудством, с таким необузданным желанием, что во мне шевельнулось нечто доселе неизведанное.

– Да, Молли Шекспир... Пстой! Ромео и Шекспир! Забавно, да? – Касс настолько разволновалась, что ее тога чуть не слетела, обнажив те части тела моей подруги, видеть которые мне совсем не хотелось.

– Боже мой! Это судьба! – Лекси засмеялась, прикрыв рот маленькой ладошкой.

Шелли выбрала именно этот момент, чтобы обратить на меня свое внимание.

– Убирайся отсюда, ты... ты... шлюшка! – выпалила она, брызнув в меня слюной.

Я сняла очки и вытерла слюни краем тоги.

– С удовольствием. Не очень-то и хотелось. Мое появление здесь было огромной ошибкой. Касс, Лекси, простите меня, но этот фестиваль любви «Мы-сестры-навек» не для меня. Увидимся дома, девчонки.

Мне необходимо оказаться подальше от этой стервы и перестать пытаться быть той, кем я не являюсь. Все это я делала только ради подруги, но теперь пора забыть об этом дне. Завтра все вернется на круги своя.

Касс свистнула, сунув пальцы в рот, дабы привлечь всеобщее внимание.

– Она прошла, Шелли. Она поцеловала парня и догадалась, что он ел. Все это видели, так что не испытывай мое терпение. Господи, Молли завязали глаза, черт возьми! Было не похоже, что она ему навязывалась. – И сказав свое слово, она скрестила руки на груди и приняла угрожающий вид.

На мгновение маска суровости Шелли спала. Я не могла винить ее – сама бы задрожала, будь я причиной гнева Касс.

– Она не должна была его целовать! Он мой! – крикнула Шелли другим участницам сестринства, которые наблюдали за всем этим с различной степенью равнодушия.

– Думаю, ты сама понимаешь, что это он поцеловал ее... дважды, – объявила роскошная брюнетка, которая, подмигнув мне, направилась в мою сторону из задней части комнаты.

Она положила руку мне на плечо.

– Она принята. Не спорь, Шелли, или проиграешь, – сказала брюнетка с довольной ухмылкой на прекрасном лице. – Именно ты каждый год заставляешь новичков заниматься этим дерьмом, лишь бы повеселиться со своими прихлебательницами. Так что ты сама виновата, что на этот раз все обернулось против тебя. Вот же досада!

Шелли пронеслась мимо меня, но перед этим ткнула пальцем мне в грудь.

– Держись от него подальше, если не хочешь неприятностей, слышишь? Ты понятия не имеешь, с кем связалась! Абсолютно никакого понятия! – И, хлопнув дверью, покинула комнату.

Настало время гробовой тишины.

Брюнетка обратилась к новеньким:

– Поздравляю! Теперь вы часть этого фантастического сестринства... повезло же вам! Во дворе стоят бочонки. Идите, наслаждайтесь.

Новоиспеченные члены общества со счастливыми улыбками потянулись к выходу из гостиной, оставив Лекси, Касс и меня с длинноногой красавицей. Короткое красное летнее платье оттеняло ее оливковую кожу; у девушки были темные волосы до середины спины и темно-карие глаза. Сногсшибательная. Сногсшибательная, как супермодель.

Она подошла ко мне, ослепительно улыбувшись.

– Прости за Шелли. Она всегда немного не в себе на таких мероприятиях, а после вашего публичного проявления чувств с моим кузеном у нее вообще крышу снесло.

– Кузеном? – пискнула я.

Она рассмеялась.

– Да, Роум – мой двоюродный брат, но скорее просто брат. Я – Элли Принс. С тех пор как нам стукнуло десять, Шелли только и мечтает стать его девушкой. Просто не обращай на нее внимания. Бери пример с меня.

– Да, она к нему относится немного собственнически.

Элли захохотала.

– Не знаю почему. Официально они никогда не были вместе. Могли в прошлом перепихнуться, но Шелли не может уяснить, что все кончено. Роум не особо моногамен... а с ней общается только потому, что их отцы деловые партнеры. Родители спят и видят, что Шелли станет его женой, да и ведут себя так, словно они уже помолвлены. Деньги к деньгам, как говорится.

Мое сердце ухнуло вниз от этой информации. Он должен обручиться? С ней?

Элли протянула руку и сжала мое плечо, ее лицо сияло от радости.

– Я никогда не видела, чтобы он так себя вел, девочка. И Шелли тоже. Поэтому-то она и в бешенстве. Даже мне показалось все это горячим, а я его кузина и, к твоему сведению, ярая противница инцеста! – подразнила она и взяла меня за руку. – Пойдем выпьем пива. Очень надеюсь, что мы с тобой подружимся, мисс Молли, хотя бы для того, чтобы я могла наблюдать, как мучается Шелли. Кроме того, я выдвину тебя и твоих подруг в кандидаты на комнату здесь, в доме сестринства. Их осталось не так много, но если ты переедешь, Шелли будет постоянно злиться, и мой год станет по-настоящему захватывающим.

Глава 3

Два часа спустя я сидела за столиком для пикника на мягкой лужайке с Касс, Лекси и Элли. Лекси подлизывалась к Элли. Зная, что она выступает в команде поддержки университета, моя подруга устроила ей допрос об отборе спортсменок и о том, что они искали в кандидатках. Касс же только и делала, что потягивала самогон да строила глазки здоровенному игроку из «Тайд» (это она мне сообщила), который стоял справа в ковбойском наряде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.